
НЕКОТОРЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ СВЯЗЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ В ПРЕДСКИФСКОЕ – РАННЕСКИФСКОЕ ВРЕМЯ

Х.(В.)Т. Чшиев

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания
ул. Ватутина, 46, Россия, 362025

Статья посвящена кавказско-переднеазиатским связям в материальной культуре в предскифское – раннескифское время. Прослеживается динамика и характер этих связей на основе новых археологических данных.

Ключевые слова: Кавказ, Передняя Азия, археологические источники, связи в материальной культуре, культурные импульсы.

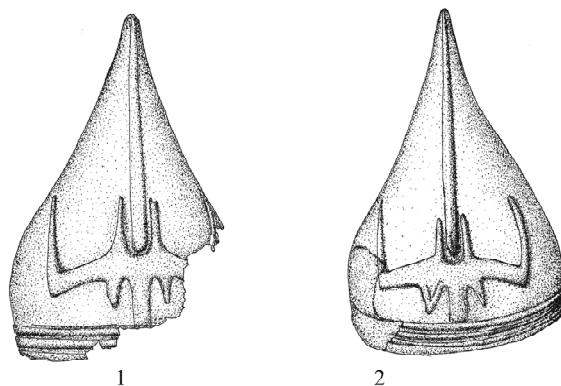
Северная Осетия – Алания, занимающая географически территории в центре Большого Кавказа и средней части Северного Кавказе, с глубокой древности являлась зоной коммуникаций между Ближним Востоком, Передней Азией и Югом современной России. Перевальные пути, известные сегодня под названиями Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги, в древности, собственно, как и сейчас, играли роль важных военно-экономических трактов. В разное время интенсивность коммуникаций и значение этих путей было различным, так как зависело как от климатических, так и политических факторов. Но для времени конца эпохи поздней бронзы – раннего железа, и в частности для анализируемого периода, мы можем констатировать весьма оживленные связи между данными регионами. Рассмотрим это, опираясь на исторические источники, в частности на данные археологии.

Один из наиболее ранних случаев находки на территории юга России письменности связан с артефактом, найденным в конце XIX в. в некрополе кобанской археологической культуры, расположенном у высокогорного осетинского села Кумбулта. Это бронзовый шлем из Урарту, на котором на урартском языке клинописью выбито «склад Аргишти». Т.е. шлем был изготовлен в Урарту, в правление царя Аргишти I (ок. 786 – 764 гг. до н.э.) Форма шлема – коническая, высота – 31 см. Нижняя часть орнаментирована двумя рельефными поясами (1). На лобной части имеется также рельефное сложное зигзагообразное изображение (рис. 1, 1).

При раскопках урартской крепости Кармир-Блур археологами был найден шлем абсолютно аналогичной формы и орнаментации (рис. 1, 2) (2).

Погребальный комплекс, в котором был найден кумбултский шлем, ученым установить не удалось, но известно, что он происходит, как говори-

лось выше, из гробницы кобанской археологической культуры Кумбултского (Рутхинского) могильника. Самые поздние комплексы Кумбултского могильника кобанской культуры датируются скифским периодом. Т.о., время перемещения урартского шлема на Кавказ может быть определено в пределах от середины VIII в. до н.э. – до конца скифского времени.

Рис. 1. Урартские шлемы:

1 – Кумбултский некрополь. Северная Осетия – Алания;
2 – Кармир-Блур. Урарту (бронза)

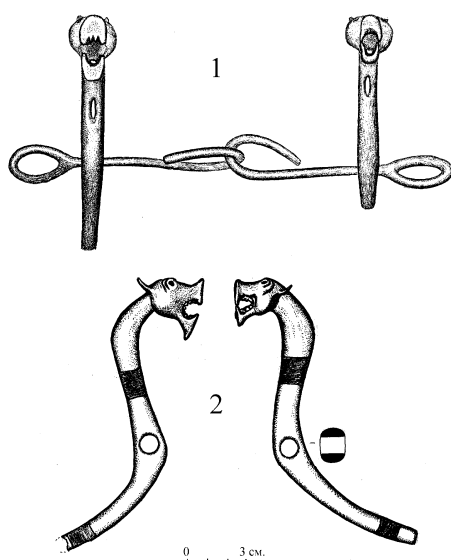
В 2007 г. при раскопках Адайдонского некрополя кобанской культуры в Зарамагской межгорной котловине Северной Осетии, в гробнице № 37 нами было исследовано воинское захоронение, сопровождавшееся всадническим уздечным набором строгого типа (3).

Адайдонский уздечный комплекс представляет собой однокольчатые бронзовые удила, с напускными S-видными бронзовыми псалиями с зооморфными украшениями на одном из концов (рис. 2, 1–2). Удила подвижные, двухчастные. Соединение двух частей удил осуществлено загибанием в петлю стержневидных концов противоположных кольцам. Псалии S-видного типа, напускные, литые. Конец одного из псалиев подтреугольной формы, кончик второго утрачен в древности. Противоположные концы псалиев оканчиваются скульптурными головами хищника с раскрытой пастью. Хорошо проработаны глаза, складки кожи на мордах, зубы животных. Головы большие, уши треугольные, стоят торчком.

При определении вида животного напрашивается его сравнение с пантерой/леопардом, изображения, которых широко представлены и в передне-восточных, и позднее в скифских древностях, при этом часто – на псалиях.

В то же время такие детали, как узкие, стоящие торчком треугольные уши, склоняют нас к тому, что кобанские мастера-литейщики стремились изобразить собак или волков. Кроме того, резкая скошенность конца морды животных имеет аналогии в кобанской иконографии в сюжетах с «собако-

видными хищниками», а присущая им динамичная, кобанская стилистика свидетельствует о местном изготовлении данного уздечного комплекта, но с ориентацией на переднеазиатские прототипы. Для более точной атрибуции данного предмета весьма примечательна, на наш взгляд, находка бронзового псалия с зооморфными концами из с. Галиат Северной Осетии (4). В Галиате, наряду с типичными для скифского времени бронзовыми псалиями с концами, оканчивающимися головками баранов, или «грифобаранов», был найден бронзовый псалий с концами в виде изображения собаководного животного в традиционном кобанском художественном стиле (5).

**Рис. 2. Удила с зооморфными псалиями.
Адайдонский некрополь. Северная Осетия – Алания (бронза)**

Однокольчатые удила с большими круглыми внешними кольцами, мундштучная часть которых соединена друг с другом посредством загибания концов, сопряженные с напускными псалиями, характерны для стран Передней Азии и Южного Закавказья уже в ранние периоды позднебронзовой эпохи, с 13 в. до н.э. Широко представлены в данном регионе и напускные бронзовые S-видные псалии в 10 в. до н.э. (6) Несмотря на простоту изготовления и удобство, этот тип удил не получил распространения в кобанской культуре, но он достаточно широко известен в Передней Азии и Закавказье. Удила такого типа из Луристана, снабженные чрезвычайно близкими напускными псалиями, но с головками львов на концах, датируются Л. Ванден-Берге IX–VIII вв. до н.э. (7). Такие же удила, со стержневидными трехдырчатыми псалиями, найдены в могильнике Марлик в Иране (8). В целом, А.И. Иванчик датирует подобные удила временем не позднее VIII в. до н.э. (9). Аналогичные удила с бронзовыми напускными псалиями из Хазанлу IV В (Иран)

И.Н. Медведская относит к урартской традиции и связывает с упряжкой колесниц, датируя серединой VIII в. до н.э. (10).

Анализ сопутствующего инвентаря адайдонского комплекса показал, что его дата укладывается в рамки середины – второй пол. VIII в. до н.э. В то же время, учитывая приведенные данным удилам аналогии из Передней Азии и Закавказья, не исключена вероятность удревнения этого уздечного комплекта до конца IX в. до н.э.

Следует специально отметить, что рассматриваемый уздечный комплекс из Адайдона, типологически являясь дериватом переднеазиатских прототипов, изготовлен здесь, на месте, кавказскими мастерами.

Таким образом, в узде из Адайдона мы имеем дело с одной из наиболее ранних находок S-видных псалий с зооморфными окончаниями на территории Центрального и Северного Кавказа, а также юга России. В дальнейшем, на наш взгляд, этот интересный тип узды, уже спустя 50–100 лет, встречается в Прикубанье, Причерноморье и в скифских памятниках Северного Предкавказья (11).

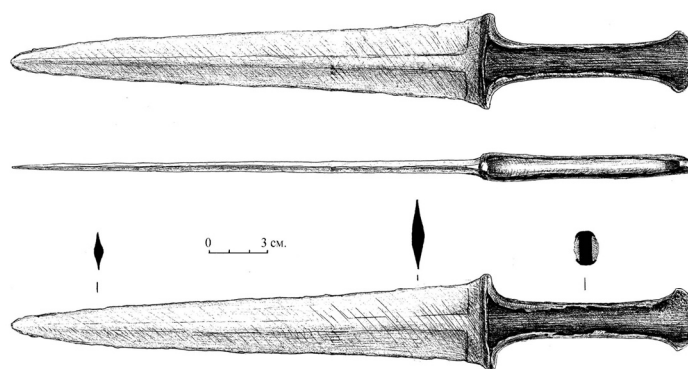
Рассмотренная выше находка уздечного комплекса из Адайдона еще раз подтверждает мнение А.А. Иессена о ведущей роли Передней Азии в формировании некоторых типов металлической узды предскифского времени (12). Также наличие вектора развития связей Передняя Азия → Северный Кавказ для времени начала «киммерийских военных компаний в последней четверти VIII в. до н.э.», отмечает С.Б. Вальчак (13).

В конечном счете «кобанский путь» поступления рассмотренных категорий артефактов и их идей из Передней Азии в Степь был не единственным, но представляется, что он являлся одним из основных.

Еще одна находка, маркирующая, на наш взгляд, восточные, переднеазиатские импульсы, также происходит из Адайдонского некрополя. Это бронзовый цельнолитой кинжал «переднеазиатского» типа. Клинок – подтреугольной формы, вытянуто-линзовидный в сечении. Параллельно срединному ребру клинка проходят две гравированные тонкие линии, загибающиеся у перекрестья под прямым углом в сторону режущей кромки лезвия.

Одно из основных отличий кинжалов названного типа заключается в особом строении рукояти, представляющей собой рамку или уплощенную пластину с закраинами для закрепления вставки – костяной, пастовой, или из ценных пород дерева. На адайдонском кинжале вставка деревянная, удерживаемая завальцованными закраинами (рис. 3). Исследования М.Н. Погребовой показали, что район зарождения этой формы клинкового оружия связан преимущественно с Ираном (Луристаном) (14). Где кинжалы подобного типа изготавливались с конца 2 тыс. до н.э. – до начала 1 тыс. до н.э. Примечательно, что найденные в соседнем Дигорском, расположенном к западу от Адайдона ущелье, бронзовые кинжалы «переднеазиатского» типа (некрополи Фаскау и Кумбулта) Т.Н. Нераденко также связывает с Ираном (Луристаном) (15). Как справедливо отмечает Т.Н. Нераденко, кинжалы «переднеазиатского» типа из Кумбулта и Фаскау являются дериватами иранских (16)

(возможно, и в более широком смысле – переднеазиатских). Со ссылкой на датировку Е.И. Крупновым рутхинского (кумбултского) кинжала – IX–VIII вв. до н.э. (17) Т.Н. Нераденко датирует, в целом, и другие северокавказские дериваты в этом хронологическом диапазоне (18).

**Рис. 3. Кинжал. Адайдонский некрополь.
Северная Осетия – Алания (бронза, дерево)**

Т.о., для хронологического периода IX–VIII вв. до н.э. мы можем констатировать весьма оживленные контакты между рассматриваемыми регионами. На наш взгляд, это могло быть связано как с тесными культурно-экономическими связями, активизировавшимися между ними в это время, так и с политической ситуацией в регионе. В частности, возможно, с войнами между Урарту и Ассирией, имевшими место в IX–VIII вв. до н.э. Не исключаем мы и факта участия кавказских (кобанских) военных контингентов на стороне одной из конфликтующих сторон. Наконец, появление в кобанских захоронениях переднеазиатских импортов и их дериватов может быть связано с участием кавказцев в известных военных экспедициях ираноязычных номадов киммерийско-скифского культурного круга в страны Передней Азии и Ближнего востока в конце 8 – начале 7 вв. до н.э. Это представляется возможным также и потому, что кавказские перевалы, в том числе Мамисонский, вблизи от которого и расположены кобанские некрополи, где найдены рассматриваемые артефакты, входят в перечень основных путей передвижения киммерийцев и скифов в Переднюю Азию и Ближний Восток в VIII–VII вв. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. – М., 2001. – С. 234.
- (2) *Иванчик А.И.* Там же. – С. 241.
- (3) *Чишев Х.(В.)Т.* Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии. В сб. Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный, 2011. – С. 170, 175.
- (4) *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. Изд-во Академии наук СССР. – 436, табл. XIV, 4.

- (5) *Крупнов Е.И.* Там же. – 436, табл. XIV, 4–6.
- (6) *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. – М., 2001. – С. 147, 186–187, 190; *Медведская И.Н.* Сиалк В. и Хасанлу IV. Вопросы хронологии. Древности Евразии. Сб. статей памяти В.С. Ольховского. ИА РАН. – М., 2005. – С. 18, 24.
- (7) *Ванден-Берге Л.* Древности страны Луров. Каталог выставки. – СПб., 1992. – С. 84, рис. 222.
- (8) *Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. – М., 2001. – С. 147, рис. 68, 6.
- (9) *Иванчик А.И.* Там же. – С. 147, 186–187, 190, 193, рис. 89, 9, 12, 17, 18, 19–24; 92.
- (10) *Медведская И.Н.* Сиалк В и Хасанлу IV. Вопросы хронологии. Древности Евразии. Сб. статей памяти В.С. Ольховского. ИА РАН. – М., 2005.– С. 118, 124, рис. 2.
- (11) *Политович Ю.Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах. Вып. 15. Псалии. Элементы упряжки и конского снаряжения в древности. – Донецк, 2004. – С. 152–156; *Эрлих В.Р.* Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 8. – Армавир-Москва, 2002. – С. 11–12.
- (12) *Иессен А.А.* 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР // СА, XVIII. Москва.
- (13) *Вальчак С.Б.* Переднеазиатские и европейские параллели в предскифских уздечных комплексах Северного Кавказа. В сб. Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. – СПб. 1996. – С. 115; *Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети 1 тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. – М., 2009.
- (14) *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в ранне – железном веке. – М. – С. 22–23.
- (15) *Нераденко Т.Н.* К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия). В сб. Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе: РИО СОГУ, 1986. – С. 58.
- (16) *Нераденко Т.Н.* Там же. – С. 59.
- (17) *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. Изд-во Академии наук СССР. – С. 221, рис. 31, 1.
- (18) *Нераденко Т.Н.* К вопросу...
- (19) *Крупнов Е.И.* Ук. соч. – С. 68. – Рис. 4.

**DEVELOPMENTS OF THE RELATIONS BETWEEN
NORTH CAUCASUS (NORTH OSSETIA-ALANIA)
AND ASIA (URARTU, IRAN)
IN PRE-SCYTHIAN – EARLY SCYTHIAN TIME**

H.(V.)T. Chshiew

Institute of History and Archaeology RNO-Alania
Vatutina str., 46, Vladikavkaz, Russia, 362025

The article features the material culture contacts between the Caucasus and the Near East in the pre-Scythian – early Scythian time. New archaeological data traces the dynamics and nature of these contacts.

Key words: the Caucasus, the Near East, archaeological sources, material culture contacts, cultural impulses, late Bronze and early Iron Age.